Электронный журнал
Современная зарубежная психология,
2026. *15*(3), 79—88.
https://doi.org/10.17759/jmfp.2026000001
ISSN: 2304-4977 (online)

E-journal
Journal of Modern Foreign Psychology,
2026. *15*(3), 79—88.
https://doi.org/10.17759/jmfp.2026000001
ISSN: 2304-4977 (online)

Вне тематики номера
Outside of the theme rooms

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Обзорная статья | Review paper

Цифровая самопрезентация как форма репрезентации социальной идентичности при анализе риска вооруженных нападений в образовательных организациях

У.Б. Белякова ✉
Автономная некоммерческая организация «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды», Москва, Российская Федерация
✉ uliana_grinenko@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В современных исследованиях вооруженных нападений в образовательных организациях все большее значение приобретает анализ докриминальных форм проявления риска. Однако значительная часть существующих подходов сосредоточена либо на ретроспективном описании уже совершенных нападений, либо на выделении отдельных факторов риска, не позволяющих объяснить, каким образом уязвимый субъект постепенно включается в деструктивный символический контекст. Особую значимость в этой связи приобретает цифровая среда, в которой процессы социальной идентификации, самопрезентации и символического самоотнесения получают публично наблюдаемое выражение. **Цель.** Уточнить теоретический статус цифровой самопрезентации как формы репрезентации социальной идентичности и обосновать возможности ее применения в психологическом анализе риска вооруженных нападений в образовательных организациях. **Методы.** Работа выполнена в формате теоретической статьи. Использованы сравнительно-сопоставительный анализ зарубежных и отечественных исследований, критический анализ объяснительных моделей вооруженных нападений в образовательной среде, теоретическая реконструкция логики анализа цифровой самопрезентации. **Результаты.** Предложена теоретическая модель анализа цифровой самопрезентации как формы проявления социальной идентичности в цифровой среде. Психологическое значение имеет сочетание элементов цифрового профиля: содержание публикаций, символы, эмоциональная направленность контента и наблюдаемые формы цифровой активности. В отличие от подходов, ориентированных на описание типичных признаков потенциального нападающего, предложенная модель рассматривает цифровую активность через процесс включенности в деструктивные смыслы. **Выводы.** Предложенная модель определяет аналитическое значение открытых цифровых проявлений для изучения докриминальных рисков вооруженных нападений в образовательных организациях.

Ключевые слова: цифровая самопрезентация, социальная идентичность, цифровой профиль, скулшутинг, вооруженные нападения в образовательных организациях, психологический риск

Для цитирования: Белякова, У.Б. (2026). Цифровая самопрезентация как форма репрезентации социальной идентичности при анализе риска вооруженных нападений в образовательных организациях. *Современная зарубежная психология, 15*(3), 79—88. https://doi.org/10.17759/jmfp.2026000001

© Белякова У.Б., 2026

CC BY-NC

Digital self-presentation as a form of social identity representation in the analysis of the risk of armed attacks in educational organizations

U.B. Belyakova ✉
Center for the Study and Network Monitoring of the Youth Environment, Moscow, Russian Federation
✉ uliana_grinenko@mail.ru

Abstract

Context and relevance. In contemporary research on armed attacks in educational institutions, the analysis of pre-criminal manifestations of risk is gaining increasing significance. However, a substantial part of existing approaches focuses either on the retrospective description of completed attacks or on the identification of ~~separate~~ isolated risk factors, which fail to explain how a vulnerable individual gradually becomes involved in a destructive symbolic context. In this regard, the digital environment is of particular importance, as it provides a publicly observable expression of the processes of social identification, self-presentation, and symbolic self-referencing. **Objective.** To clarify the theoretical status of digital self-presentation as a form of social identity representation and to substantiate its applicability to the psychological analysis of the risk of armed attacks in educational institutions. **Methods.** This study is structured as a theoretical paper. Methods employed include a comparative analysis of domestic and international research, a critical analysis of explanatory models of armed attacks in educational settings, and a theoretical reconstruction of the logic underlying the analysis of digital self-presentation. **Results.** A theoretical model is proposed for analyzing digital self-presentation as a form of social identity manifestation in the digital environment. Psychological significance is attributed to the combination of elements of a digital profile: the content of publications, symbols, the emotional orientation of content, and observable forms of digital activity. In contrast to approaches focused on describing typical characteristics of a potential attacker, the proposed model considers digital activity through the process of involvement in a destructive symbolic context. **Conclusions.** The proposed model defines the analytical value of overt digital manifestations for the study of pre-criminal risks of armed attacks in educational institutions.

Keywords: digital self-presentation, social identity, digital profile, school shooting, armed attacks in educational institutions, psychological risk

For citation: Belyakova, U.B. (2026). Digital self-presentation as a form of social identity representation in the analysis of the risk of armed attacks in educational organizations. *Journal of Modern Foreign Psychology, 15*(3), 79—88. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/jmfp.2026000001

Введение

Проблема вооруженных нападений в образовательных организациях сохраняет высокую научную и практическую значимость в связи с тяжестью последствий, общественным резонансом и выраженным психотравмирующим воздействием подобных инцидентов. В психологическом отношении данные нападения не могут быть сведены к ситуативной вспышке агрессии или исключительно криминальному акту. В большинстве исследований они рассматриваются как результат длительного процесса формирования насильственного сценария, включающего накопление фрустрации, переживание социальной изоляции, кризис идентичности, символическую фиксацию на насилии и предварительную подготовку (Levin, Madfis, 2009; Newman et al., 2004; Borum et al., 2010). Вместе с тем последствия вооруженных нападений затрагивают не только непосредственных участников событий, но и более широкую подростковую аудиторию. Исследования показывают, что подобные инциденты способны формировать устойчивое переживание небезопасности и тревоги, связанной с возможностью насилия в образовательной организации (Kirkland et al., 2025). Исследователи также отмечают, что постоянное присутствие темы вооруженных нападений в информационном пространстве и медийной повестке может усиливать субъективное восприятие угрозы и эмоциональную напряженность среди подростков. В связи с этим проблема вооруженных нападений в образовательной среде рассматривается как сложный междисциплинарный феномен, требующий анализа различных механизмов формирования риска.

Зарубежная исследовательская практика накопила значительный материал о социально-психологических, клинических и социокультурных условиях вооруженных нападений в образовательной среде. При этом ключевой вывод исследований состоит в том, что не существует универсального психологического профиля потенциального нападающего, обладающего достаточной предсказательной валидностью. Вооруженные нападения в образовательных организациях рассматриваются как результат взаимодействия индивидуальных, групповых, институциональных и социокультурных факторов (Newman et al., 2004; Hamman, 2026). Значительная часть лиц, совершивших нападения, демонстрировала сочетание переживания социальной изоляции, фиксации на насилии, накопленного чувства несправедливости, трудностей социальной адаптации и выраженного кризиса иден-

тичности; однако конкретные конфигурации данных факторов существенно различаются между случаями (Katsiyannis et al., 2022; Moore et al., 2024). В качестве наиболее перспективного направления рассматривается комплексная оценка угроз, учитывающая контекст поведения, особенности коммуникации, социальную ситуацию и динамику изменений состояния субъекта (Cornell, 2020; Kerere, Cornell, Maeng, 2024).

В последние годы исследовательский интерес к вооруженным нападениям в образовательных организациях существенно сместился от поиска «типичного профиля» нападающего к анализу динамических процессов формирования риска, цифровой коммуникации и поведенческих предупреждающих признаков. В эмпирических работах последних лет показано, что значительная часть лиц, планировавших или совершивших массовые нападения, демонстрировали признаки предварительного сообщения о намерениях, публикации угрожающих материалов, символической идентификации с предыдущими нападавшими или демонстрации интереса к тематике насилия в цифровой среде (Peterson, Densley, Erickson, 2021; Peterson et al., 2023).

В этой связи исследователи все чаще обращаются к подходу, ориентированному на анализ динамики риска, контекста, коммуникации и поведенческих изменений, поскольку он является более эффективной и научно обоснованной стратегией профилактики по сравнению с практиками жесткого дисциплинарного контроля и поиском «опасных типов личности» (Cornell, 2020). В последующих исследованиях (Kerere, Cornell, Maeng, 2024) показано, что не всегда угроза нападения реализуется в конкретные действия, однако анализ поведения и контекста коммуникации позволяет выявлять случаи повышенного риска.

Исследования цифровой радикализации позволяют избежать линейного объяснения, согласно которому цифровая среда выступает самостоятельной причиной радикализации или насилия. Более точной является позиция, при которой Интернет может усиливать уже существующие процессы социальной изоляции, неопределенности и вовлеченности в деструктивные сообщества за счет постоянного коммуникативного подкрепления: он обеспечивает доступ к деструктивным нарративам, поддерживает повторяемость контента, способствует формированию сетевых сообществ и может усиливать процессы символического самоотнесения у пользователей, уже находящихся в ситуации социальной изоляции, неопределенности или дефицита признания (Binder, Kenyon, 2022; Marwick, Clancy, Furl, 2022; Mughal et al., 2023; Whittaker, 2022).

Вместе с тем даже многофакторные модели не всегда позволяют объяснить, каким образом риск приобретает субъективный смысл для самого субъекта. Хроническое напряжение, буллинг, социальная изоляция или психические нарушения сами по себе не являются достаточными условиями вооруженного нападения: подавляющее большинство подростков и молодых людей, сталкивающихся с подобными трудностями, не реализуют насильственных сценариев (Гриненко, 2021). Поэтому теоретически значимым становится вопрос о том, через какие психологические механизмы уязвимость преобразуется в идентификацию с насильственным сценарием и каким образом эта идентификация получает внешнее выражение.

В качестве такого механизма в настоящей статье рассматривается социальная идентичность, а в качестве ее наблюдаемой формы в цифровой среде — цифровая самопрезентация. Теория социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986) позволяет анализировать самоотнесение субъекта с группами, символическими сообществами и социальными категориями. В свою очередь, теория неопределенности идентичности (Hogg, 2014) объясняет привлекательность жестких, нормативно определенных и идеологически насыщенных групп для людей, переживающих выраженную неопределенность собственного Я. В контексте вооруженных нападений в образовательных организациях данные положения приобретают особую значимость: идентификация с фигурами предыдущих нападавших, с символикой насилия или с онлайн-сообществами, романтизирующими подобные действия, может выполнять функцию субъективной компенсации дефицита признания, контроля и принадлежности.

Цифровая среда создает условия, в которых процессы самоотнесения, выбора символов, участия в сообществах и публичного самопредъявления становятся более устойчивыми и наблюдаемыми. Исследования онлайн-радикализации показывают, что Интернет не следует рассматривать как единственную или прямую причину радикализации, однако он выступает значимым медиатором доступа к деструктивным нарративам, формирования групповой принадлежности и нормализации насильственных установок (Scrivens et al., 2024). Применительно к вооруженным нападениям в образовательных организациях это означает, что цифровая самопрезентация может фиксировать не только отдельные интересы пользователя, но и более сложные процессы символического самоотнесения.

Цель настоящей статьи — уточнить теоретический статус цифровой самопрезентации как формы репрезентации социальной идентичности и обосновать возможности ее использования в психологическом анализе риска вооруженных нападений в образовательных организациях.

Объектом теоретического анализа выступили подходы, описывающие формирование риска вооруженных нападений в образовательных организациях, процессы социальной идентификации, самопрезентации и цифровой радикализации.

Для подготовки статьи использовался направленный поиск англоязычных научных источников и аналитических материалов по проблематике вооруженных нападений в образовательной среде, оценки угроз, цифровой самопрезентации, социальной идентичности и онлайн-радикализации. Поиск современных публикаций проводился преимущественно за период 2019—

2026 гг. по ключевым словам и их сочетаниям: *school shooting*, *school violence*, *threat assessment*, *warning behaviors*, *digital self-presentation*, *online identity*, *social identity*, *online radicalization*, *violent extremism online*. В анализ включались источники, имеющие объяснительное значение для построения теоретической модели: современные рецензируемые статьи, исследования и обзоры по оценке угроз и цифровой среде, а также аналитические отчеты профильных исследовательских организаций. Классические теоретические работы по социальной идентичности, самопрезентации, радикализации и оценке угроз включались вне временного ограничения, поскольку они задают понятийную основу статьи. Итоговый корпус составил 34 источника.

В статье обосновывается теоретическая модель, в рамках которой цифровая самопрезентация рассматривается как способ публичного оформления социальной идентичности в цифровой среде. Аналитическое значение модели состоит в описании устойчивых смысловых связей между самоотнесением субъекта, используемыми символами, эмоциональной направленностью цифрового контента и наблюдаемыми формами цифровой активности. Цифровая самопрезентация может выступать как значимый материал для психологической интерпретации докриминальных проявлений риска.

В качестве основных теоретических источников использованы работы А. Тэшфела и Дж. Тернера о социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986), М. Хогга о неопределенности идентичности и экстремизме (Hogg, 2014), Э. Гоффмана о самопрезентации (Goffman, 1959), А. Кругланski и соавторов о поиске значимости (Kruglanski et al., 2014), Дж. Хоргана о переходе от профилей к траекториям радикализации (Horgan, 2008), Р. Скривенса с соавторами о роли Интернета в исследованиях насильственного экстремизма (Scrivens et al., 2024). Для анализа феномена вооруженных нападений в образовательной среде привлечены работы К. Ньюман с соавторами (Newman et al., 2004), Р. Борума (Borum et al., 2010), Дж. Левина и Э. Мэдфиса (Levin, Madfis, 2009), Р. Ларкина (Larkin, 2009), П. Лангмана (Langman, 2025), а также материалы ведомственных отчетов (O'Toole, 2000; Vossekuil, 2002), сформировавшие основу подхода по оценке угроз.

Объединение указанных подходов обусловлено задачей описать цифровую самопрезентацию как область пересечения процессов социальной идентификации, символического самопредъявления и формирования докриминальных признаков риска. В рамках предложенной модели социальная идентичность задает содержательное основание самоотнесения, самопрезентация — форму его внешнего выражения, а цифровая среда — пространство, в котором данные процессы становятся наблюдаемыми для анализа.

Задача предложенной теоретической рамки состоит в определении того, какое место деструктивная тематика занимает в публичном образе пользователя: является ли она эпизодическим интересом, элементом подростковой игры, провокации или романтизации, знаком принадлежности, устойчивой эмоциональной фиксацией либо частью формирующегося насильственного сценария. Такой подход позволяет учитывать специфику подростковой онлайн-коммуникации и сохраняет аналитическую значимость цифровой самопрезентации при оценке риска.

Теоретическая новизна исследования состоит в выделении цифровой самопрезентации как самостоятельного уровня психологического анализа докриминальных проявлений риска вооруженных нападений в образовательных организациях. В статье она рассматривается как способ внешнего выражения социальной идентичности, через который деструктивные символы могут становиться частью публичного образа субъекта в цифровой среде.

Ограниченность профилирующего подхода и переход к процессуальному пониманию риска

В отечественных и зарубежных исследованиях подчеркивается ограниченная применимость универсального профиля потенциального нападающего (Дозорцева, Ошевский, Сыроквашина, 2020; Mayer, Astor, 2023; Cornell, 2020; Peterson, Densley, Erickson, 2021). Случаи вооруженных нападений существенно различаются по клиническим, семейным, социальным и психологическим характеристикам, что снижает объяснительную ценность типологического описания. Поэтому для теоретического анализа более значимым становится изучение динамики формирования риска, коммуникативного контекста и способов символического самоотнесения субъекта (Borum et al., 2010).

Кумулятивная модель (Levin, Madfis, 2009) рассматривает нападение как последовательный процесс, включающий хроническое напряжение, неконтролируемое напряжение, острое напряжение, планирование и реализацию нападения. Преимущество данной модели состоит в отказе от представления о нападении как о внезапном импульсивном акте. Однако она в большей степени описывает накопление условий риска, чем раскрывает механизм превращения фрустрации в субъективно значимый насильственный сценарий.

Системная модель (Newman et al., 2004) показывает, что нападения укоренены не только в индивидуальных особенностях субъекта, но и в структуре образовательного сообщества, локальной социокультуры, межличностных отношений и доступности оружия (Hamman, 2026). Для настоящего исследования данная модель значима тем, что позволяет рассматривать вооруженное нападение как результат взаимодействия индивидуальных и средовых факторов. Вместе с тем анализ цифровой самопрезентации требует дополнительного обращения к теориям идентичности и самопредъявления, поскольку именно они позволяют описать, каким образом субъект придает насильственному сценарию личный смысл и включает его в публичный образ Я.

Значимым представляется исследование, выполненное на материале нападения в школе в Паркленде в 2018 году (Allely, Scheithauer, Langman, 2025). Его ценность состоит в том, что авторы показывают: переход к нападению может быть описан через последовательность наблюдаемых изменений — накопление личных обид, устойчивую фиксацию на теме насилия, самоотнесение с образом предшествующих нападавших, предварительное раскрытие намерений, усиление подготовительной активности и восприятие насилия как единственно возможного способа разрешения конфликта. Тем самым личный кризис рассматривается как состояние, которое при определенных условиях переходит в подготовку насильственного действия.

Для дальнейшего анализа важно понятие социокультурного сценария, используемое при описании символического влияния нападения в школе «Колумбайн» на последующие случаи (Larkin, 2009). Авторы показывают, что оно стало не только трагическим событием, но и символическим образцом для последующих случаев (запрещенная идеология «Колумбайн»[1]). Социокультурный сценарий включает повторяемые элементы самопрезентации, атрибутики, риторики, визуальных символов и представлений о насилии как способе публичного заявления. Тем самым фокус анализа смещается от индивидуальной патологии к символическим формам, через которые насилие приобретает социально узнаваемую форму.

Предлагаемая модель включает пять взаимосвязанных теоретических положений, последовательно раскрывающих: процессуальную природу риска; роль социальной идентичности в вовлеченности в насильственную среду; статус цифровой самопрезентации как формы выражения идентичности; значение цифровой среды как пространства символической нормализации насилия; необходимость комплексного анализа когнитивных, аффективных и поведенческих элементов цифровой активности (рис. 1).

Первое теоретическое положение состоит в том, что риск вооруженного нападения в образовательной организации следует понимать как процесс формирования насильственного сценария, в котором индивидуальная уязвимость соединяется с социокультурными образцами, групповыми нормами и символическими формами самоотнесения.

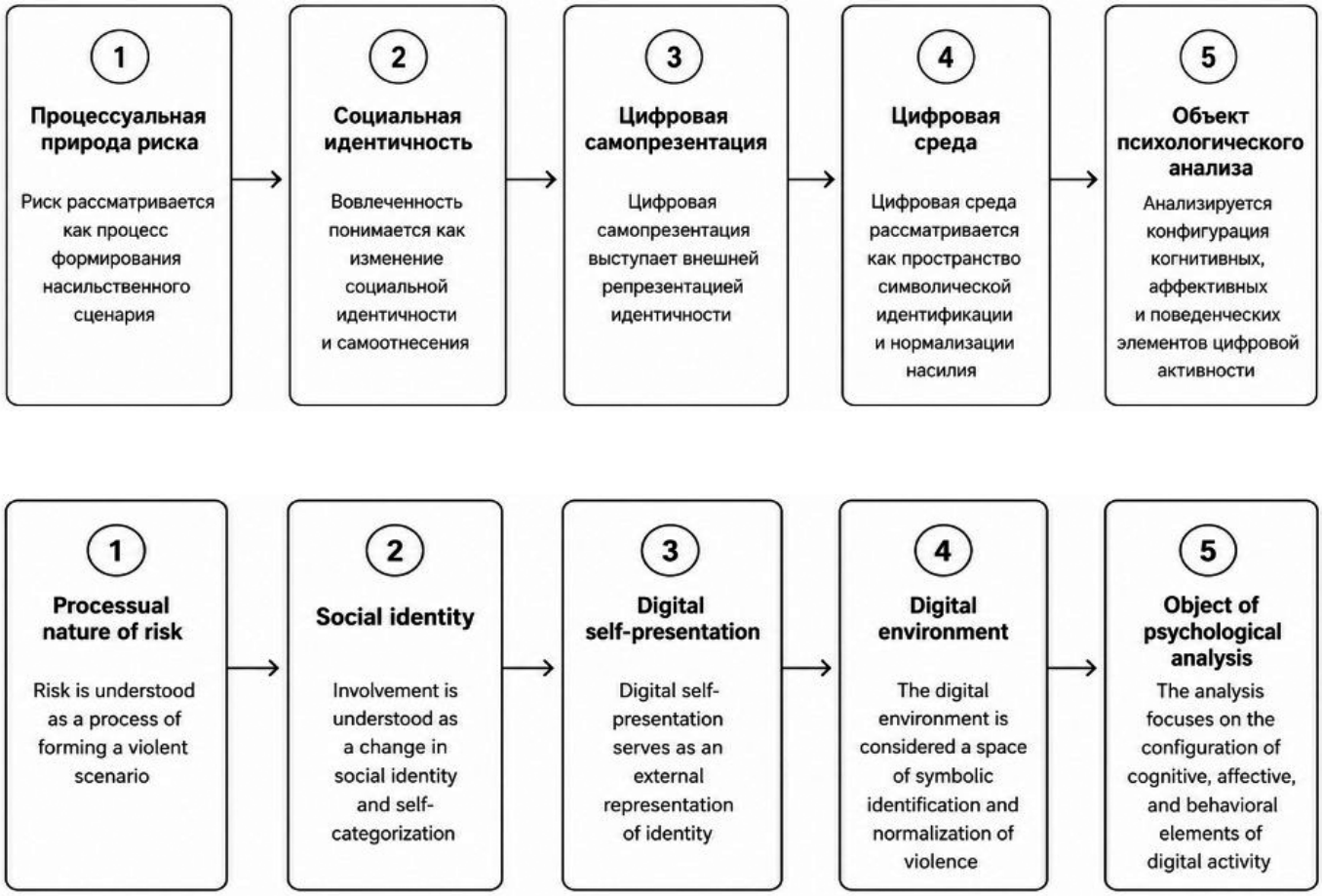

Fig. 1. Five theoretical propositions of the model for analyzing digital self-presentation

[1] Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

Социальная идентичность как механизм вовлеченности в деструктивный символический контекст

Теория социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986) исходит из того, что значимая часть самопонимания человека формируется через принадлежность к социальным группам. Идентичность в этой логике не является только внутренним психологическим состоянием: она выражается через язык, символы, нормы, эмоциональные оценки и поведенческие ожидания, разделяемые внутри группы. В настоящей статье понятие социальной идентичности используется как способ отнесения субъектом себя к значимой социальной категории, группе или воображаемому сообществу. При анализе вооруженных нападений в образовательных организациях данный подход позволяет рассматривать цифровой контент через позицию пользователя по отношению к насильственной тематике: дистанцированное наблюдение, подражание, принятие групповых смыслов, стремление к признанию внутри соответствующей среды. Символы, эстетика, эмоциональные реакции и другой контент рассматриваются как внешние признаки этой позиции в цифровой коммуникации.

В подростковом и юношеском возрасте процессы социальной идентификации имеют особую интенсивность. Субъект ищет группы и символические категории, позволяющие ответить на вопросы «Кто я?», «С кем я?», «Против кого я?» и «Какое место я занимаю?». В нормативном развитии эти процессы обеспечивают расширение социальных ролей и формирование устойчивой идентичности. В условиях социальной изоляции, фрустрации и дефицита признания они могут принимать деструктивную направленность, если субъект находит символическое сообщество, предлагающее простую интерпретацию страдания и готовый сценарий восстановления значимости (Whittaker, 2022).

Теория неопределенности идентичности (Hogg, 2014) позволяет объяснить, почему радикальные и жестко структурированные группы могут становиться привлекательными для людей, переживающих неопределенность собственного Я. Субъекты, испытывающие выраженную неопределенность, склонны искать группы с ясными границами, жесткими нормами, однозначной картиной мира и предписанными моделями поведения. В экстремальных случаях такая идентификация может снижать тревогу неопределенности, но одновременно усиливать межгрупповую поляризацию и готовность следовать деструктивным нормам.

Вовлечение в экстремистские и насильственные субкультуры может быть связано с переживанием утраты, дефицита или угрозы личной значимости (Kruglanski et al., 2014). Насилие в таких случаях начинает восприниматься как путь восстановления статуса, признания и субъективного контроля. Для анализа вооруженных нападений в образовательных организациях данная идея принципиальна: нападение может приобретать значение не только агрессивного действия, но и предельной формы публичной самопрезентации.

Некоторые исследователи предлагают отказаться от статичного вопроса «Какой человек становится террористом?» в пользу анализа путей вовлечения, участия и выхода (Horgan, 2008). Данный подход применим и к анализу вооруженных нападений в образовательных организациях: важен не набор неизменных черт, а траектория, в которой изменяются представления субъекта о себе, других, насилии, допустимости действия и собственной роли.

Второе теоретическое положение заключается в том, что вовлеченность в смысловую среду, связанную с насилием, следует рассматривать как изменение социальной идентичности, при котором насильственный сценарий становится не внешней информацией, а элементом самоотнесения, групповой принадлежности и субъективного восстановления значимости.

Цифровая самопрезентация как форма репрезентации социальной идентичности

Классическая теория самопрезентации рассматривает социальное поведение как управляемое представление себя перед аудиторией (Goffman, 1959). В цифровой среде эта логика не исчезает, а усиливается: пользователь получает возможность отбирать символы, тексты, визуальные образы, сообщества, реакции и другие элементы, из которых складывается публичный образ Я.

Цифровая самопрезентация не является непосредственным отражением внутренней структуры личности. Она представляет собой социально опосредованную форму действия, через которую пользователь отбирает значимые символы, регулирует образ Я и соотносит его с реакциями аудитории.

Исследования последних лет показывают, что онлайн-коммуникация является значимой средой развития и поддержания идентичности, особенно в подростковом и юношеском возрасте. В социальных сетях пользователь выбирает темы, визуальные образы, формы взаимодействия и аудитории, через которые предъявляет желаемый образ себя и получает обратную связь (Bayer et al., 2016; Prez-Torres, 2024; Yang et al., 2025). Поэтому материалы открытого профиля могут использоваться как психологически значимый источник для анализа самопредъявления и символического самоотнесения (Soh, Talaifar, Harari, 2024).

В случае деструктивных субкультур цифровая самопрезентация может включать устойчивые символические маркеры: визуальные коды, специфическую лексику, отсылки к предыдущим нападениям, военизированные образы, распространение тематического контента и участие в соответствующих сообществах.

Ряд исследований показывает, что цифровая коммуникация лиц, совершивших массовые нападения, нередко содержит предварительные коммуникативные признаки, отражающие фиксацию на тематике наси-

лия, символическое самоотнесение с предыдущими нападавшими, романтизацию агрессии, публикацию угрожающих высказываний и косвенную демонстрацию намерений (Peterson, Densley, Erickson, 2021; Peterson et al., 2023; Allwinn et al., 2025). При этом отдельные элементы цифровой активности могут интерпретироваться только в контексте общей структуры поведения и совокупности наблюдаемых признаков пользователя.

Третье теоретическое положение определяет цифровую самопрезентацию как внешнюю форму отражения социальной идентичности: через нее субъект публично воспроизводит символы, нормы, эмоциональные оценки и формы принадлежности, значимые для определенного сообщества или воображаемой группы.

Цифровая среда как пространство радикализации и символической нормализации насилия

Исследования онлайн-радикализации показывают, что Интернет не следует трактовать в линейной логике «контент вызывает насилие». Исследователи подчеркивают необходимость более точной постановки вопроса: не «радикализирует ли Интернет сам по себе», а каким образом цифровые платформы участвуют в процессах поиска информации, формирования сетей, символического подкрепления, нормализации насилия и поддержания идентичности (Binder, Kenyon, 2022). Ряд авторов также отмечают, что онлайн-данные обладают значительным исследовательским потенциалом, но требуют методологической осторожности и этического контроля (Scrivens et al., 2024).

Применительно к вооруженным нападениям в образовательных организациях цифровая среда выполняет несколько взаимосвязанных функций. Она обеспечивает доступ к социокультурным сценариям насилия, поддерживает обращение к фигурам предыдущих нападавших, позволяет находить символические сообщества и предоставляет средства для публичной демонстрации деструктивной идентичности. Кроме того, цифровая среда способствует воспроизводству устойчивых символических кодов: даже после блокировки отдельных сообществ элементы соответствующей идентичности могут продолжать циркулировать через индивидуальные профили, комментарии, изображения и новые платформы.

Данный подход позволяет отличать пассивную осведомленность о феномене от идентификационной вовлеченности. Пользователь может получать информацию о вооруженных нападениях в образовательных организациях из СМИ, образовательных материалов, профессионального интереса или общественной дискуссии, и сама по себе такая осведомленность не обладает самостоятельной диагностической значимостью. Однако в сочетании с дополнительными признаками анализ характера включенности данной темы в структуру цифровой самопрезентации приобретает психологическую значимость, определяя, какое место соответствующая тема занимает в цифровой самопрезентации пользователя: как объект дистанцированного интереса, как предмет эмоциональной фиксации, как символ принадлежности или как элемент потенциального сценария действия.

Четвертое теоретическое положение состоит в том, что цифровая среда может выступать пространством символической идентификации, в котором насильственные сценарии получают видимое выражение в публичном образе Я, групповой принадлежности и субъективной нормализации агрессии.

Комплексный подход к анализу цифровой самопрезентации

Значимость мониторинга открытых цифровых профилей определяется возможностью раннего выявления устойчивых признаков деструктивной вовлеченности. Вместе с тем его методологическая надежность зависит от отказа от гипердиагностики отдельных элементов. Интерес к тяжелой музыке, изображениям оружия, депрессивным цитатам, мрачной эстетике или конфликтным высказываниям не может сам по себе рассматриваться как показатель риска вооруженного нападения. Подростковая и молодежная самопрезентация нередко включает экспериментирование с радикальными, провокативными или мрачными образами, не связанное с реальной готовностью к насилию. Методологически более надежной является оценка смысловой связанности элементов цифрового профиля (Schwartz et al., 2024; Borum et al., 2010): какие темы повторяются, как они эмоционально окрашены, какие символические группы поддерживаются, какие формы насилия романтизируются или оправдываются, присутствует ли переход от интереса к идентификации, от идентификации к декларации, от декларации к планированию.

Теоретически такую конфигурацию целесообразно описывать через взаимосвязь когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов, традиционно рассматриваемых в рамках трехкомпонентной модели установки (Breckler, 1984).

Когнитивный компонент включает представления, интерпретации и убеждения пользователя о насилии, образовательной организации, сверстниках, обществе, справедливости, мести и собственной роли. В цифровой самопрезентации он может проявляться через тексты, репосты, цитаты, комментарии, идеологические высказывания, оправдание предыдущих нападений или обесценивание потенциальных жертв.

Аффективный компонент отражает эмоциональную модальность вовлеченности: злость, обиду, восхищение, романтизацию, идентификационную симпатию, сниженное эмоциональное дистанцирование от смерти и насилия. В цифровой среде он может проявляться через эмоционально насыщенные публикации,

эстетизацию смерти, символическую привязанность к фигурам предыдущих нападавших.

Поведенческий компонент включает наблюдаемые формы цифровой активности: участие в сообществах, администрирование тематических групп, регулярное распространение контента, публичные угрозы, декларации намерений, поиск инструкций. Вместе с тем отдельные формы цифровой активности не следует напрямую отождествлять с реальной готовностью к противоправному поведению. Однако их совокупность может отражать степень вовлеченности пользователя в деструктивную смысловую среду и, в сочетании с другими признаками, приобретать значение психологически значимого индикатора риска, требующего дальнейшего анализа.

Пятое теоретическое положение фиксирует объект психологического анализа как смысловую конфигурацию когнитивных, аффективных и поведенческих элементов цифровой самопрезентации, отражающую характер включенности пользователя в смысловое пространство, связанное с насилием.

Заключение

Предложенная теоретическая рамка уточняет, каким образом цифровая самопрезентация может использоваться в психологическом анализе риска вооруженных нападений в образовательных организациях. Ее значение состоит в описании тех цифровых форм, через которые уязвимость, фрустрация, дефицит признания и обращение к социокультурным сценариям насилия могут получать внешнее выражение.

Ограничения исследования связаны с тем, что предложенный подход ориентирован на анализ открытых форм цифровой самопрезентации. Значимая часть коммуникации может происходить в закрытых чатах, приватных каналах, игровых средах и мессенджерах, доступ к которым ограничен технически, правовыми нормами и этическими требованиями. Кроме того, цифровой контент может мигрировать между площадками, удаляться, переходить в закрытые форматы или становиться недоступным вследствие изменения настроек приватности. При анализе цифровой самопрезентации необходимо учитывать специфику цифровых платформ: разные цифровые среды задают различные режимы видимости, аудитории, нормы коммуникации и способы предъявления себя. Поэтому открытый цифровой профиль рассматривается как доступный, но неполный фрагмент цифровой активности субъекта, требующий сопоставления с иными данными и контекстом ситуации. Вместе с тем данные ограничения не снижают аналитической значимости открытого профиля в тех случаях, когда в нем устойчиво представлены деструктивные темы, символы, эмоционально нагруженный контент и формы включенности в соответствующую цифровую среду. Такой профиль не исчерпывает всей онлайн-активности субъекта, однако может рассматриваться как значимый материал для психологического анализа риска.

Практическое значение предложенной рамки состоит в разработке более дифференцированного подхода к анализу цифровой среды. Предупреждающие признаки нередко фиксируются отдельными участниками социального окружения, но не объединяются в целостное представление о динамике риска, что указывает на необходимость сочетания анализа цифровой самопрезентации с профессиональной оценкой, понятными каналами передачи информации и межведомственным взаимодействием (Greene-Colozzi et al., 2025).

Список источников / References

1. Гриненко, У.Б. (2021). Проблема скулшутинга в образовательной среде. *Психологические исследования, 14*(80), Статья 2. https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.109
Grinenko, U.B. (2021). The problem of school shooting in the educational environment. *Psychological Studies, 14*(80), Article 2. (In Russ.). https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.109
2. Дозорцева, Е.Г., Ошевский, Д.С., Сыроквашина, К.В. (2020). Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения. Психология и право, *10*(2), 97—110. https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208
Dozortseva, E.G., Oshevsky, D.S., Syrokvashina, K.V. (2020). Psychological, social and informational aspects of attacks by minors on educational institutions. *Psychology and Law, 10*(2), 97—110. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208
3. Allely, C.S., Scheithauer, H., Langman, P. (2025). Case analysis: Application of the terrorist radicalization assessment protocol—18 to the perpetrator of the marjory stoneman douglas high school shooting in Parkland, Florida. *Journal of Threat Assessment and Management, 12*(3), 197—214. https://doi.org/10.1037/tam0000233
4. Allwinn, M., King, S., Tultschinetski, S., Görgen, T. (2025). Preattack warning behaviors in the digital space: A case study of a fame-seeking rampage shooter. *Journal of Threat Assessment and Management, 12*(3), 178—196. https://doi.org/10.1037/tam0000240
5. Bayer, J.B., Ellison, N.B., Schoenebeck, S.Y., Falk, E.B. (2016). Sharing the small moments: Ephemeral social interaction on Snapchat. *Information, Communication & Society, 19*(7), 956—977. https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1084349
6. Binder, J.F., Kenyon, J. (2022). Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? *Frontiers in Psychology, 13*, Article 997390. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.997390

7. Borum, R., Cornell, D.G., Modzeleski, W., Jimerson, S.R. (2010). What can be done about school shootings? A review of the evidence. *Educational Researcher, 39*(1), 27—37. https://doi.org/10.3102/0013189X09357620
8. Breckler, S.J. (1984). Empirical validation of affect, behavior, and cognition as distinct components of attitude. *Journal of personality and social psychology, 47*(6), 1191—1205. https://doi.org/10.1037//0022-3514.47.6.1191
9. Cornell, D.G. (2020). Threat assessment as a school violence prevention strategy. *Criminology & Public Policy, 19*(1), 235—252. https://doi.org/10.1111/1745-9133.12471
10. Goffman, E. (1959). *The presentation of self in everyday life*. New York: Anchor Books.
11. Greene-Colozzi, E.A., Schildkraut, J., Arrigo, L., Krebs, L., Klein, B.R. (2025). Social network analysis as a tool for understanding mass shooting prevention: A case study of the Marjory Stoneman Douglas High School shooting. *Journal of Criminal Justice, 101*, Article 102540. https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2025.102540
12. Hamman, J.J. (2026). The shame spiral in school shootings. *Pastoral Psychology, 75*, 237—255. https://doi.org/10.1007/s11089-025-01248-w
13. Hogg, M.A. (2014). From uncertainty to extremism: Social categorization and identity processes. *Current Directions in Psychological Science, 23*(5), 338—342. https://doi.org/10.1177/0963721414540168
14. Horgan, J. (2008). From profiles to pathways and roots to routes: Perspectives from psychology on radicalization into terrorism. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 618*(1), 80—94. https://doi.org/10.1177/0002716208317539
15. Kerere, J., Cornell, D., Maeng, J. (2024). Student attempts of violence following a school threat assessment. *Journal of School Violence, 23*(4), 570—581. https://doi.org/10.1080/15388220.2024.2363781
16. Kirkland, D., Fu, T.C., Herbenick, D., Hensel, D.J. (2025). Frequency and predictors of adolescent worry for school gun violence in the United States: Findings from a nationally representative study. *Journal of Adolescent Health, 78*(1), 166—172. https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2025.09.007
17. Kruglanski, A.W., Gelfand, M.J., Blanger, J.J., Sheveland, A., Hetiarachchi, M., Gunaratna, R. (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Political Psychology, 35*(S1), 69—93. https://doi.org/10.1111/pops.12163
18. Larkin, R.W. (2009). The Columbine legacy: Rampage shootings as political acts. *American Behavioral Scientist, 52*(9), 1309—1326. https://doi.org/10.1177/0002764209332548
19. Levin, J., Madfis, E. (2009). Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model. *American Behavioral Scientist, 52*(9), 1227—1245. https://doi.org/10.1177/0002764209332543
20. Marwick, A., Clancy, B., Furl, K. (2022). Far-right online radicalization: A review of the literature. *The Bulletin of Technology & Public Life,* Preprint. https://doi.org/10.21428/bfcb0bff.e9492a11
21. Mayer, M.J., Astor, R.A. (2023). Is school safety mainly about school shootings? Research-informed guidance for the field. *Preventing School Failure: Alternative Education for Children and Youth, 67*(1), 1—8. https://doi.org/10.1080/1045988X.2022.2124220
22. Moore, P., Jackson, B.A., Leschitz, J.T., Wolters, N., Goode, T., Diliberti, M.K., Pham, P.F. (2024). *Developing practical responses to social media threats against K—12 schools: An overview of trends, challenges, and current approaches.* Santa Monica: RAND Corporation.
23. Mughal, R., DeMarinis, V., Nordendahl, M., Lone, H., Phillips, V., Boyd-MacMillan, E. (2023). Public mental health approaches to online radicalisation: An empty systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health, 20*(16), Article 6586. https://doi.org/10.3390/ijerph20166586
24. Newman, K.S., Fox, C., Harding, D.J., Mehta, J., Roth, W. (2004). *Rampage: The social roots of school shootings.* New York: Basic Books.
25. O'Toole, M.E. (2000). *The school shooter: A threat assessment perspective.* Washington: FBI Critical Incident Response Group.
26. Pérez-Torres, V. (2024). Social media: A digital social mirror for identity development during adolescence. *Current Psychology, 43*, 22170—22180. https://doi.org/10.1007/s12144-024-05980-z
27. Peterson, J., Densley, J., Erickson, G. (2021). Communication of intent to do harm preceding mass public shootings in the United States, 1966 to 2019. *JAMA Network Open, 4*(11), Article e2133073. https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2021.33073
28. Peterson, J., Densley, J., Spaulding, J., Higgins, S. (2023). How mass public shooters use social media: Exploring themes and future directions. *Social Media+Society, 9*(1), 1—15. https://doi.org/10.1177/20563051231155101
29. Rajan, S., Reeping, P.M., Ladhani, Z., Vasudevan, L.M., Branas, C.C. (2022). Gun violence in K-12 schools in the United States: Moving towards a preventive (versus reactive) framework. *Preventive medicine, 165*(A), Article 107280. https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2022.107280
30. Scrivens, R., Freilich, J.D., Chermak, S.M., Frank, R. (2024, June 18). Data collection in online terrorism and extremism research: Strengths, limitations, and future directions. *Studies in Conflict & Terrorism,* Preprint. https://doi.org/10.1080/1057610X.2024.2361957

31. Soh, S., Talaifar, S., Harari, G. (2024). Identity development in the digital context. *Social and Personality Psychology Compass*, *18*(2), Article e12940. https://doi.org/10.1111/spc3.12940
32. Tajfel, H., Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In: S. Worchel, W.G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (pp. 7—24). Chicago: Nelson-Hall.
33. Vossekuil, B., Fein, R.A., Reddy, M., Borum, R., Modzeleski, W. (2002). *The final report and findings of the Safe School Initiative: Implications for the prevention of school attacks in the United States*. Washington: U.S. Secret Service and U.S. Department of Education.
34. Whittaker, J. (2022). *Online radicalisation: What we know*. Brussels: Radicalisation Awareness Network (RAN), European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/2023-11/RAN-online-radicalisation_en.pdf (viewed: 25.06.2026).
35. Yang, C.-c., Calvin, A., Choukas-Bradley, S., Leurs, K., Manago, A., Subrahmanyam, K. (2025). Online self-presentation and identity: Insights from diverse and marginalized youth. In: D.A. Christakis, L. Hale (Eds.), *Handbook of children and screens: Digital media, development, and well-being from birth through adolescence* (pp. 245—252). Cham: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-031-69362-5_34

Информация об авторах
Ульяна Богдановна Белякова, директор департамента сетевого мониторинга, Автономная некоммерческая организация «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» (АНО «ЦИСМ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5295-4592, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Information about the authors
Uliana B. Belyakova, Director of the Department of Network Monitoring, Center for the Study and Network Monitoring of the Youth Environment, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5295-4592, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest
The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике
Исследование представляет собой теоретический анализ и не требует этического согласования.

Ethics statement
The study is theoretical in nature and does not require ethical approval.

Поступила в редакцию 08.05.2026 — Received 2026.05.08.
Поступила после рецензирования 08.05.2026 — Revised 2026.05.08.
Принята к публикации 06.07.2026 — Accepted 2026.07.06.
Опубликована 10.07.2026 — Published 2026.07.10.